

Вас люблю

Каторга в цветах

Вынести ее Екатерине Максимовой помогают мама, муж и ученики

Похоже, время никак не отразилось на Екатерине Максимовой — одной из самых пленительных красавиц Большого театра. И сегодня в кругу своих учениц из Кремлевского балета она кажется изысканно хрупким и совершенным творением природы, при этом на редкость естественным и скромным. Только брызги лучей из серо-голубых глаз, неожиданное движение плеча или внезапный поворот дивной головки выдают в Екатерине Сергеевне внутреннюю накал страстей. Ее, Богом рожденную для танца, вместе с тем всегда тянуло в педагогику. Для этого она окончила ГИТИС по

классу Марины Семеновы. Когда-то сама была первой ученицей несравненной Галины Улановой и из ее рук получила партию Жизели, а теперь — передала ее Светлане Лунькиной в Большом театре. В своем же Кремлевском балете кропотливо работает с молодыми балеринами над каждым жестом, линией, помогая им наполнить все найденное поэтическим содержанием. Несколько часов я провела в репетиционном классе. Потом мы долго говорили с Екатериной Сергеевной. Никакой намеренной загадочности, никакой маски звезды.

Характер настоящего сорванца

— Какой помните себя в детстве?

— Обыкновенной. Правда, маленькой была настоящим сорванцом. Вечно со мной происходили разные истории: то я с кем-то дрались, то меня забирали, то на крышу забиралась, то кто-то по голове ударял... когда училась в школе, тоже приходила домой — то со сломанной рукой, то с отмороженной щекой. Мама была в ужасе. Своим учителям доставляла массу неприятностей. Была просто непослушной. К счастью, в ту пору что-то перегорело во мне и, когда пришла в театр, стала уже более дисциплинированным человеком.

— Только что вы сказали на репетиции своей ученице: не бойся, не бойся, ниже пола не упадешь. Сами падали много?

— Очень. И на сцене, и в жизни. К сожалению, наша профессия связана с риском. Если будешь себя жалеть, любить, беречь — как бы не ушибиться, как бы не растянуться, — мало что получится.

— Однажды в училище, как знаю, у вас произошел конфликт с педагогом, речь шла даже об исключении. Но все готово было удовлетвориться вашим извинением. Вы просили прощения?

— Нет. Просто долго стояла перед учителем и молчала. Видимо, мое молчание и приняли за извинение. Хотя я прекрасно понимала, что сто процентно виновата. У меня было несколько таких случаев, когда я провинилась в школе не то что дерзость, а просто неоправданную грубость. Конечно, ученик не имеет права так себя вести. Но я всегда училась. Когда повзрослела, стала меняться. Может быть, просто поумнела.

Наверное, характер у меня такой категоричный. Есть вещи, которые я людям просто не прощаю. С Володей в этом плане мы разные. Он может выплыть, но тут же быстро и забыть. Сколько раз было: ну как же, говорю, человек этот тебе то-то сказал, так-то поступил. А он в ответ: зачем это помнить и на это обижаться? Я не так быстро обижалась, даже наоборот, какие-то вещи могу долго терпеть. Кроме предательства. Выдает, дружит с человеком, вижу все его слабости. Меня даже предупреждают: ты доверься ему, а он поступает и говорит так-то и так. Но пока сама не ткнусь в это, не поверю. Зато, когда пойму, что человек меня предает, вернуться к нему уже не смогу.

— Друзей у вас много?

— Немного. Но те, кто есть, действительно — верные друзья. Я очень их и ценю, и люблю, и бережу. Понимаю, что это мое богатство, моя защита: если будет плохо, я к ним смогу обратиться, а это в жизни, особенно с годами, очень важно. В молодости легко завязать дружбу. Потом идет переполнение ценностей, и друзья появляются реже. К сожалению, многие уходят из жизни.

— Есть человек, которому вы можете открыться до самого дна?

— Может быть, не совсем до дна: как есть вещи, которые никому не скажешь. Но когда бывает потребность высказаться, то у меня есть с кем поделиться.

Чувство долга превыше всего

— Мне кажется, у вашей мамы, Татьяны Густавовны, редкостная самоотдача и преданность вам.

Так бывает далеко не у всех родителей.

— Знаю и очень ценю это. Мама поддерживает и защищает меня от разных бед. И до сих пор помогает и советует мне. Наверное, я и половину не смогла бы осуществить того, что делаю в профессии, если бы рядом не было мамы. Она вваливает на свои плечи весь наш быт, все, что в ее силах. При этом она всегда живет моей театральной жизнью. Не пропустила ни одного моего спектакля, кроме случаев, когда физически не могла присутствовать в театре. И сейчас смотрит работы моих учениц. Переживает за них, знает — у кого что получается, у кого какие слабые и сильные стороны.

— Татьяна Густавовна рассказывала, что всегда шла для вас — юбки, блузки, платья, пальто, шубы, шапки — и в годы вашей учебы, и даже когда вы начинали работать в Большом театре.

— Времена были трудные. Это сейчас все можно купить в магазине. А тогда даже юбочку для репетиции нужно было шить. Трико шпокали тысячу раз. Мама и меня приучила все самой чинить, зашивать. Эта привычка сохранилась у меня и по сей день. Я как-то даже связала маме кофту, а Володе — свитер.

— На репетиции вы сказали ученице, что, если бы пришли на занятия в незащищенной юбке, Васильев просто бы не подошел к вам. Действительно так?

— Конечно. Пояс юбки, как понимаете, держится на крюпочке, а за ним — дырка. Но ее не должно быть. Во время поддержки или пируэтов у партнера туда может попасть палец, и тогда он его просто вывихнет. Он же все время будет думать не о том, как меня, скажем, поддержать, а куда упадет его палец. Небрежность в одежде — неуважение к партнеру. Нас и в школе воспитывали, что нужно уважать тех, кто рядом с тобой.

— У вас удивительное чувство долга и обязательности.

— Это мамин воспитание и, конечно, моих удивительных педагогов. В училище на первом месте для нас всегда стояло: я обязан, я должен. Стараясь и своим ученикам внушить, что если они работают в театре, то обязаны ему, а не наоборот. Сталкиваясь, правда, и с такими репликами: я хочу, я буду, а зачем мне, мол, это нужно?

Недавно в Перми прошел конкурс балетных артистов — не такой, конечно, парадный, как в Париже и Москве, но событие российского масштаба. Подходит ко мне журналист и первый его вопрос: «А зачем вам это нужно?» Сама постановка такого вопроса мне непонятна. Наверное, в нем есть подтекст: а что вы за это имеете? Ничего не имею. Просто живу балетом. Работаю в жюри, мне это интересно и важно. Понимаю, что это нужно тем, кто участвует в этом конкурсе. Ездил в Пермь и буду ездить. Если у меня есть возможность кому-то чем-то помочь, буду помогать, даже в мелочах — своим участием, советом, материально...

Корни обязывают держать высоту

— Я знаю, что вы в родстве с Сергеем Васильевичем Рахманиновым. Кто ваши предки?

— О своих предках знаю мало. Да, моя прабабушка — двоюродная сестра Рахманинова и родная сестра композитора Александра Зилоти. Конечно, в

Самые красивые ноги в Большом

— На кого вы похожи? Татьяна Густавовна — женщина высокая.

— На маму. Хотя ростом, конечно, не в нее. У мамы очень красивые ноги, колоссальный подъем, хотя она никогда не занималась балетом. Когда мои подружки приходили к нам домой, они всегда просили показать им ее подъем — как эталон. По сравнению с ней у меня не подъем, а крючок какой-то. К тому же от природы мама очень гибкая.

— Майя Плисецкая считает, что самые красивые ноги в Большом театре именно у вас.

— Что значит самые красивые? В моих ногах тоже масса недостатков, и у многих балерин красивые ноги. Но если в моих и есть от природы приличная форма, то дело здесь совсем в другом. Это опять же заслуга моего учителя — Елизаветы Павловны Гердт. Педагог обычно учит всех одинаково. Но у одной, скажем, потрясающие руки, и их можно так отгладить, что они заплетаются. Елизавета Павловна мне всегда говорила, что ноги должны говорить. И яни надо научиться так говорить, что они будут выразительны и красивы. Порой видишь внешнюю форму — точеная фигурка, длинная шея, ручки, ножки, все замечательно. Кажется, на сцене сейчас произойдет нечто необыкновенное. Но вот музыка зазвучала, и минут через пять становится скучно — понимаешь, что красота куда-то уходит. Еще должно быть и вдохновение, а его нет. Чистая форма уже не кажется такой привлекательной. А бывает и наоборот.

— А с семьей Рахманинова не пересекались?

— К сожалению, нет. На гастролях в той же Америке мне как-то сказали, что две дочери Рахманинова, живущие под Нью-Йорком, хотя со мной познакомиться и просят узнать, не могла бы ли я в какой-то день к ним приехать. Но моя балетная жизнь так завертелась, что я не нашла для поездки времени. В молодые годы кажется, что вся жизнь впереди: познакомиться с новыми людьми всегда успеешь. В зрелые годы понимаешь: то, что не сделаешь сегодня, уже никогда не будет. А люди стареют и уходят.

— Какие еще ветви у вашего рода?

— Много. Я с детства, например, знала, что живет в Париже баба Маша, родная сестра моей прабабушки и Зилоти. Какие-то весточки все время доходили от нее. И вот мы на гастролях в Париже. Переводчица сообщает, что Мария Ильинична Гучкова хочет со мной встретиться. Спустя время к нам с Володей приходит пожилая женщина, величественная, необыкновенно прямо держащаяся. Я, говорю, пришла посмотреть, какие у нас открытки, слышала: ты стала известной балериной. Мы тихо сидим. Обращаюсь к ней по имени-отчеству, а она мне: «Да как-то я тебе Мария Ильинична, а ты моя баба, и нечего ко мне «на вы» обращаться». Потом повелительно: ну встаньте. Встали. Осмотрела: «В нашем роду — известные композиторы, пианисты, и нужно поддерживать его на должном уровне. Приду на спектакль, посмотрю». Володя хотел ее проводить, но она остановила его: «Ты что же думаешь, я — старуха, сама не смогу с лестницы спуститься?» После спектакля пришла и сказала: «Да, меня не обманули, держите высоту». К сожалению, и ее вскоре не стало.

Самые красивые ноги в Большом

— На кого вы похожи? Татьяна Густавовна — женщина высокая.

— На маму. Хотя ростом, конечно, не в нее. У мамы очень красивые ноги, колоссальный подъем, хотя она никогда не занималась балетом. Когда мои подружки приходили к нам домой, они всегда просили показать им ее подъем — как эталон. По сравнению с ней у меня не подъем, а крючок какой-то. К тому же от природы мама очень гибкая.

— Майя Плисецкая считает, что самые красивые ноги в Большом театре именно у вас.

— Что значит самые красивые? В моих ногах тоже масса недостатков, и у многих балерин красивые ноги. Но если в моих и есть от природы приличная форма, то дело здесь совсем в другом. Это опять же заслуга моего учителя — Елизаветы Павловны Гердт. Педагог обычно учит всех одинаково. Но у одной, скажем, потрясающие руки, и их можно так отгладить, что они заплетаются. Елизавета Павловна мне всегда говорила, что ноги должны говорить. И яни надо научиться так говорить, что они будут выразительны и красивы. Порой видишь внешнюю форму — точеная фигурка, длинная шея, ручки, ножки, все замечательно. Кажется, на сцене сейчас произойдет нечто необыкновенное. Но вот музыка зазвучала, и минут через пять становится скучно — понимаешь, что красота куда-то уходит. Еще должно быть и вдохновение, а его нет. Чистая форма уже не кажется такой привлекательной. А бывает и наоборот.

— А с семьей Рахманинова не пересекались?

— К сожалению, нет. На гастролях в той же Америке мне как-то сказали, что две дочери Рахманинова, живущие под Нью-Йорком, хотя со мной познакомиться и просят узнать, не могла бы ли я в какой-то день к ним приехать. Но моя балетная жизнь так завертелась, что я не нашла для поездки времени. В молодые годы кажется, что вся жизнь впереди: познакомиться с новыми людьми всегда успеешь. В зрелые годы понимаешь: то, что не сделаешь сегодня, уже никогда не будет. А люди стареют и уходят.

— Какие еще ветви у вашего рода?

— Много. Я с детства, например, знала, что живет в Париже баба Маша, родная сестра моей прабабушки и Зилоти. Какие-то весточки все время доходили от нее. И вот мы на гастролях в Париже. Переводчица сообщает, что Мария Ильинична Гучкова хочет со мной встретиться. Спустя время к нам с Володей приходит пожилая женщина, величественная, необыкновенно прямо держащаяся. Я, говорю, пришла посмотреть, какие у нас открытки, слышала: ты стала известной балериной. Мы тихо сидим. Обращаюсь к ней по имени-отчеству, а она мне: «Да как-то я тебе Мария Ильинична, а ты моя баба, и нечего ко мне «на вы» обращаться». Потом повелительно: ну встаньте. Встали. Осмотрела: «В нашем роду — известные композиторы, пианисты, и нужно поддерживать его на должном уровне. Приду на спектакль, посмотрю». Володя хотел ее проводить, но она остановила его: «Ты что же думаешь, я — старуха, сама не смогу с лестницы спуститься?» После спектакля пришла и сказала: «Да, меня не обманули, держите высоту». К сожалению, и ее вскоре не стало.

связано у меня с эмоциями. Нередко спрашивают, а что я предпочитаю — классику или модерн, реализм или импрессионизм? Я не теоретик. И в своем искусстве тоже. У меня есть два критерия: хорошо или плохо. Если произведение трогает эмоционально, то в какие бы «измы» оно ни было одето, для меня это — хорошо.

— Мне запомнилось одно ваше признание. Когда не танцевали сами, то стоя за кулисами, нередко чувствовали себя так, будто уже не сможете выйти на сцену. А когда выбегали на нее, какая-то гипнотическая сила подталкивала вас. За кулисами боль снова возвращалась.

— Это было, вероятно, всю жизнь. Редкий спектакль у меня что-то не болело. Спина прола, значит, палец стерт. Здесь подвернула ногу, здесь повредила икру... Приходила после спектакля домой — сюда надо компресс, сюда повязку. Вечно заматанная, перевязанная, а у утренней репетиции необходимо полностью восстановиться. К сожалению, такова наша профессия. Но это все мелочи. Были травмы и серьезные, которые надо было преодолевать.

— А что же случилось с вами в январе 1975 года?

— На репетиции партнер неудачно сделал поддержку и... Несколько месяцев пролежала в Кунцевской больнице. Доктора говорили, что если буду ходить, то — хорошо, а вот о балете придется забыть. К счастью, врач так же больнички Владимир Иванович Луньков поставил меня на ноги. Он действительно сотворил чудо. И спустя год я снова танцевала Жизель. А Альберта — Володя.

— Как не вспомнить Фанну Раневскую, которая говорила, что искусство балетного артиста — каторга в цветах. Но у вас еще было и несколько крупных аварий?

— Было. Однажды ехали с Володей в Ленинград, и вдруг на дороге оказался лось, мы столкнулись с ним. Машина вся вдребезги. Хорошо, что нас подобрала на дороге, положили в местную больницу в городке Чудове. Водитель, который нас привез, ночью позвонил маме. Утром она была уже в Чудове. Был еще случай, когда мы свалились на машине в болото и выбрались через заднее стекло...

Партнер должен смотреть в глаза

— Мне кажется, вы очень строги к себе. А к мужу — как к партнеру — также?

— Да, конечно. Мы с ним много танцевали вместе. Он очень хороший партнер. Но в этом плане я предъявляла к нему гораздо большие требования, чем к другим. Скажем, кто-то мог меня и «завалить», а вот Володя не имел такого права, у него все должно было быть идеально. С ним было то, чем я очень дорожу. Мне важно, чтобы партнер не только крепко меня держал, но и смотрел в глаза: он что-то спрашивает, а я — отвечаю. Чтобы мы передавали друг другу эмоциональную наполненность наших душ. С Володей мы всегда вели на сцене диалог. Понимаю, друг друга без слов.

— К кому — как к постановщику — тоже критичны?

— Также. Когда Володя еще только начинал ставить спектакли, ему всегда от меня доставалось. Придумал, например, какую-то комбинацию, а мне казалось, что он еще мог бы фантазировать, что-то получить сделать: здесь сыро, а вот это не совсем то... Разумеется, к кому-то он прислушивался, к чему-то нет.

— Как отнесетесь к его «Лебединому озеру»?

— Я не принимала участия в репетиционном периоде в Большом театре. Не была в Театре Станиславского и Немировича-Данченко, когда Володя работал там над спектаклем «Ромео и Джульетта». Честно говоря, отговаривала его и от того, и от другого. Но в случае с «Ромео» я явно ошиблась. Когда посмотрела балет, то увидела, что в нем есть интересное, оригинальное решение.

— А «Лебединое»?

— Мне многое в нем нравится, но есть и претензии. Это делал совершенно новый спектакль, বেশ великим.

— Было много резкой критики в адрес «Лебединого». Переживаете за мужа?

— Конечно, переживаю. Но, к сожалению, критика на сегодняшний день не убедительна. Понимаю: каждый высказывает субъективное мнение. Но если беретесь критиковать, будьте любезны, делайте это обоснованно. Да так, чтобы человек видел свои ошибки и у него возникло стремление их исправить. Сейчас наблюдаю только огульное охаивание всего. Порой мне кажется, что критики пишут больше того, чтобы показать себя, самоутвердиться. Мол, вот какой я крутой, могу такую фразу завернуть, что искры посыпятся из глаз. Никакого отношения к профес-

сиональному анализу это не имеет.

Время сейчас такое: все дозволено. А что пишут о Ельцине, о Чубайсе, о Лебеде? Это похоже больше на лай, нежели на человеческий разговор. Сами газеты заинтересованы в скандалах — положительные рецензии не печатают, им подавай «жареное-пареное». Не помню, к примеру, добросовестной критики на концерты Аллы Пугачевой. Газеты обсуждают, спит ли она с Киркоровым, или нет, что ест на завтрак, как похудела, в чем была одета, кто был на концерте... Так принято на Западе. Но у нас-то критика настоящая всегда была. Недоброжелательная критика никому ничего не дает. Лишь одно — ощущение, что на тебя вылили ведро грязи. Никакого стимула. Безусловно, каждому творческому человеку нужен взгляд со стороны — здесь недоделал, там надо исправить, что-то прояснить... Впрочем, если от сегоднешней несвободности кто-то получает удовольствие, пускай наслаждается.

Слияние двух душ

— В вашем сценическом дуэте с Васильевым зрители всегда ощущали слияние душ. А в жизни это возможно?

— В общем, возможно. Мы прожили вместе большую жизнь. Не могу сказать, что она была идиллической, а мы — как два голубка. Совсем нет. Но какие-то идеалы, какие-то жизненные и творческие принципы у нас совпадают. Другое дело, очень часто ко многому мы приходим через спор. Но то, к чему стремимся, у нас общее. И это самое важное. Идеал недостаточен. Если человек говорит, что достиг идеала, — жизнь для него закончилась. У нас она продолжается.

— Вы в ладу с собой?

— Ой, нет. Внутри у меня масса каких-то сомнений, противоречий, тысяча вопросов: а правильно это или нет, а должна ли я это делать, или нет, смогу или не смогу, а так я сделала или нет? Вечно что-то грызет.

— Федерико Феллини говорил: «Смещение — это я». Наверное, таков удел художника. Вы верующая?

— Верую во что-то высшее. Когда в чем-то сомневаюсь, думаю, что есть Благая сила. Она все поймет. Вера, конечно, внутри человека. Сегодня же церковь больше превратилась в театр.

лон прекрасных кукол. Понимаю, все это подарки ваших друзей и поклонников. Но есть ли какой-то особый подарок от Владимира Викторовича?

— Он любит дарить подарки. Но какой-то особенный выделить не могу.

— Сами дарите?

— Конечно. Подарки согревают нас.

— Вы в жизни слышали много прекрасных слов в свой адрес. Какие-то из них запали в душу?

— Когда мне говорят за мой труд «спасибо», получаю удовлетворение, а дифирамбы пропускаю мимо ушей...

— Позвольте спросить о непростом? Вы ждали ребенка, но не получилось. Боль прошла?

— Сначала все казалось трагичным, а сейчас куда-то ушло. Да, я хотела ребенка, и Володя тоже. Мы очень любим детей. Но, по правде говоря, смотрю на детей своих приятелей и вижу, что иногда страдает совсем не то, о чем мечтали родители. И думаю: а может, и хорошо, что нет своих детей. У меня много учеников, и невоспринятые чувства я отдаю им. Люблю их. Они забирают все мои силы и все мое время. Прощаю к ним души.

— Владимир Викторович по-прежнему в легком периоде вновь обрести форму?

— Так всегда было. Когда мне трудно, он всегда рядом. Иначе и быть не может. Мы могли сосориться сколько угодно, выяснять отношения, обижаться друг на друга больше попусту, но он не так сказал или не так посмотрел, а что-то не так сделала или ему покажется, что недостаточно внимательно к нему. Однако всегда снова: есть Володя, который меня поддержит в любой трудный момент, на которого я могу опереться. Когда Володе в чем-то трудно, а тоже — рядом. В ином случае мы бы столько лет не прожили вместе. Прощать семь лет — это не просто...

...Храню программку последнего бенефисного спектакля Екатерины Максимовой 1 февраля 1994 года и вспоминаю, как в самом конце этого незабываемого торжества на сцену вышел Владимир Васильев в смокинге, подал Екатерине Сергеевне хрустальный башмачок, поднял ее почти в поднебесье и кружил под восторженные овации зала.

Беседовала Лидия НОВИКОВА